

мерческих сортов крупноплодной земляники // Сибирский вестник сельскохозяйственной науки. – 2010. – № 1. – С. 40–45.

5. Грачева И.М. Технология ферментных препаратов. – М.: Пищевая промышленность, 1975. – С. 312–316.

6. Пат. № 2010051318 (Япония). Метод получения семян земляники / MARUO TATSU, ITO ZENICHI; заяв. 21.02.2007; опубл. 19.05.2010.

7. Пат. № 61247361 (Япония). Метод получения сока и семян из земляники / UNIV SHIBA PREFECTURE; заяв. 23.04.1985; опубл. 04.11.1986.

8. Зубов А.А. Теоретические основы селекции земляники. – Мичуринск: Изд-во ВНИИГиСПР им. И.В. Мичурина, 2004. – 196 с.

9. Доспехов Б.А. Методика полевого опыта (с основами статистической обработки результатов исследований). – М.: Колос, 1979. – 416 с.

УДК 634.1/8:631.527

К истории некоторых сортов (Заметки для будущих помологов!)

О.А. Баранова
г. Барнаул, Россия

В 1966 году пошёл последний год жизни М.А. Лисавенко. Он тяжело болел. И это был год смотра результатов труда всей его жизни – в июле 1966 г. состоялся выездной пленум секции садоводства ВАСХНИЛ, которую он возглавлял с 1956 г. Готовясь к приезду учёных всей страны, Михаил Афанасьевич в июне едет «по маршруту», объезжая Барнаульское своё хозяйство и посещает Горно-Алтайскую экспериментальную базу. В поездке он заболел воспалением легких (далеко не первый раз). В июле весь коллектив Алтайской станции дружно встречает гостей в Барнауле, показывает свои идеально чистые сады, питомники и дендрарий, проводит конференцию. Помещения для высокого собрания на станции не было, поэтому пленарное заседание Михаил Афанасьевич проводит в городе, в зале Дома союзов. Там он делает свой содержательный и последний доклад об очередных задачах сибирского садоводства. Далее на Алтайской станции по секциям заслушивают доклады ученых, и на третий день все поездом направляются в Бийск, а далее на автобусах в совхоз «Мичуринец» и на Экспериментальную базу в Горно-Алтайск.

Впечатления у учёных страны сложились самые хорошие, многие из них не думали, что на Алтае существует товарное садоводство, а считали, что есть только любительские сады, Михаил Афанасьевич ездил в совхоз «Мичуринец» на «Волге» со своим шофером. Обострились его болезни, и сердце давало перебои. На вопрос: «Как ваше здоровье?», – отвечал: «Пе-

ременная облачность – с валидола на нитроглицерин». Осенью 1966 г. ему сделали операцию в Москве, и он несколько месяцев восстанавливался.

Едва закончилась эпопея с пленумом, Михаил Афанасьевич чувствует потребность сказать несколько слов – воспоминаний о начале своей работы на Алтае и пишет статью «К истории некоторых сортов (Заметки для будущих помологов!)». Она осталась в рукописи. Мы привели её полностью.

**К истории некоторых сортов
(Заметки для будущих помологов!)
16 июля 1966 г.**

Абориген алтайский

В 1933 году, когда я приехал в Ойрот-Тура (в 1932 г. переименованный из Улала, а ныне, с 1947 г., Горно-Алтайск), я познакомился, в числе немногих других садоводов-приусадебников, с Г.В. Бобриковым, который и приютил меня под навесом в его саду-огороде (приехал я в июне, а квартиру мне дали только в сентябре). В числе других растений в его огороде моё внимание привлекла крупноплодная земляника – её был только один сорт, мне неизвестный (в Ачинске у меня была довольно обширная коллекция земляники из Томска).

Насколько помню, Г.В. Бобриков сказал, что землянику эту он накопал в б. монастыре (Кызыл-Озёк). В 1934 году, когда я обосновался в Татанакановском логу, я набрал розеток этой земляники и посадил там. В 1934 или в 1935 году я привёз из Ботанического сада из Москвы на Мещанской улице (старый теперь сад МГУ) при любезном содействии М.П. Нагибиной, приехавшей до этого, в 1934 году, с пионерской экспедицией на Алтай, набор сортов крупноплодной земляники, как сейчас помню – тащил на плече одной рукой поддерживая – в другой был чемодан – бельевую корзину, из которой через край свешивались побеги-усы с молодыми розетками, а мальчишки бежали и дергали за них – пешком от Мещанской до Казанского вокзала. Да, очевидно это было в 1935 году, когда уже работал И.А. Кухарский – он и высаживал землянику на сортоизучение, а вместе с другими сортами и размноженную местную от Бобрикова. Он (т.е. И.А.) дал ей условное название, вернее предложил, Абориген алтайский. Но в первом туре Абориген алтайский не показал высокой урожайности на делянке сортоизучения. Тогда – как раз мне поставили (это было в 1936 г.) дом с мезонином (по моему плану – я увидел такие домики в Подмоскovie) и посадил Абориген алтайский в междурядьях только что посаженного на западном склоне возле моего дома Желтого Челдона и др. сибирских яблонь. Аборигеном были заняты все междурядья (3/4 га) этого участка. И что же? Этот участок долгое время служил основной промышленной плантацией, с которой собирали массу ягод (до 85 ц/га), причем главное, сорт оказался долговечным. С «рекордного» участка он был перенесён также в

междурядья яблонь «на вертикалах» (аллейная, по П.Г Шитгу, существующая и сейчас посадка загущенная в двойных рядах и с междурядьем в 10 м).

Вытеснен Абориген алтайский был Комсомолкой, зарекомендовавшей себя в сортах станции наиболее урожайным сортом. Лучшим по вкусу оказался Абрикос. Но Комсомолка потом выродилась, Абрикос же, хотя и со средним урожаем, но стойким оказался сортом, не только в Горно-Алтайске, но и в Барнауле. Потом и в Горно-Алтайске, и в Барнауле, куда был перенесён также Абориген алтайский, этот сорт было совсем затерялся. Пришлось его восстанавливать, отыскивая среди насаждений земляники в бригаде №1 (этой работой занималась В.И. Анисова) и в Горно-Алтайске (что делала З.С. Зотова). Теперь Абориген алтайский районирован только по одной зоне Алтайского края. Сейчас на первое место вышли Красавица Загорья, Идун и т.п.

Но Абориген алтайский сыграл в своё время хорошую роль. Он описан Н.М. Павловой, которая, между прочим, указала на этот раз меня в качестве лица, обнаружившего этот сорт и введшего его в производственную культуру.

Вислуха, Бийская, Текстильная

История, как она попала на опорный пункт в Ойрот-Туру (и оттуда распространилась) такова. В 1934 г в Бийске, в колхозе «Алтайская флора» (колхозом это хозяйство А.Д. Тяжелникова, В.Л. Яманова и еще кого-то стало после коллективизации, когда бывшим его хозяевам пришлось его оставить) с тогдашним агрономом колхоза Г.П. Пряхиным (он потом работал на опорном пункте), а также в колхозе Бийского ЦРК, которым ведал В.Л. Яманов, я закупал первый посадочный материал. Закупал я еще осенью 1933 года, а это было второе посещение. Моё внимание на этот раз привлекла малина. Остатки её сохранились от прежних хозяев. Здесь и была обнаружена Вислуха, как назвал её Г.П. Пряхин («так называем – уж очень гибкая» – пояснил он). Другой сорт он называл «Байкальской» (как будто её получили откуда-то с Байкала – но это была явно культурная малина). Я попросил у Г.П. по 14 отпрысков (норма для первичного сортоизучения) того и другого сорта. Он, конечно, с готовностью дал и, возможно, больше.

Потом я перешёл на соседний участок, принадлежащий Текстильной фабрике (тогда это было полукустарной предприятие бывшее Бородинское, если не ошибаюсь). Там было что-то вроде подсобного хозяйства и росла (из плодово-ягодных) одна малина, без названия («малина и малина, и зовём так»). Взял и здесь 14 экземпляров и условно назвал «Текстильная» (раз взята была на Текстильной фабрике).

И.А. Кухарский, сажавший в 1935 году участок сортоизучения малины, скептически отнесся к этим сортам, он не признавал никакой путаницы,

стремясь посадить проверенные сорта. Пишу это потому, что Н.М. Павлова, упоминавшая мою фамилию при землянике Абориген алтайский, здесь воздержалась, предполагая, очевидно, что малину обнаружил И.А. Кухарский. Но ему принадлежит заслуга организации сортоизучения, для которого он доставал сорта отовсюду, а главным образом из ВИРа.

Какова же дальнейшая судьба этих сортов? Вислуха оказалась лучшим сортом в коллекции. Сомнение вызывала сортовая принадлежность. Р.П. Бологовская склонна была признать её за «Круглый великан Зеелига», но потом сама отказалась от этого предположения. Из Ойрот-Туры Вислуха завоевала Сибирь, а потом и европейскую часть. М.И. Кашичкина в «Сортах плодово-ягодных культур» (под редакцией А.Н. Веняминаова) просто заявила, что это сорт отечественной селекции (не любила алтайцев!). А.Д. Тяжелников в своей книге, изданной в 1963 году, присвоил введение Вислухи себе – благо за душой-то ничего нет. Название Вислуха, конечно, ему было неизвестно. Но очень возможно, что это была та «четырёхсезонная», которую он рекомендовал в 1920-х годах, как французский сорт (M. de c.s.).

Теперь и я думаю, что, действительно, это сорт не алтайской селекции, хотя он и бытовал под Бийском. Теперь я склонен предполагать с достаточно вескими основаниями, что этот сорт завезён в начале 1900-х годов братьями Терентьевыми с Поволжья. Один из них не остался в Барнауле, а переехал в село Мочище под Бийском. Именно из Мочища попала Вислуха в «Алтайскую флору». Об этом говорится в Записках Н.И. Давидовича об истории садов в Нагорной части Барнаула, написанных по моей просьбе и хранящихся в нашем архиве. Только братьев Терентьевых было не 3, а 4 (как установила З.И. Лучник от опроса их родственников в Барнауле).

Вислуху, когда мы переехали из Ойрот-Туры в Барнаул, нашли и здесь. На этот раз она не была выписана из Ойрот-Туры, а бытовала очевидно, с дореволюционного времени, от Терентьевых.

То же самое «Текстильная» пошла, очевидно, и в Бийске и в Барнауле (где её разводили наряду с Вислухой) от братьев Терентьевых. Впоследствии решено было, что это «Кримзон Маммут». Но в последние годы, по наблюдениям В.И. Анисовой, выявилась явная разница в зимостойкости между «Кримзон Маммутом» и «Текстильной». Вероятно, это «осибирячившийся» клон «Кримзон Маммута», а не сеянец этого сорта, как я предполагал.

Опять-таки в той же статье, в ж. «Садоводство» за 1940 г. (в сб. «По мичуринскому пути») ошибочно назван 1939 г. – см. 146–151 стр. этого сборника), в главе «Результаты сортоизучения малины на Алтае» описана (впервые) Вислуха, а также рассказано про Текстильную.

А «Байкальская»? Что это за сорт, не удалось определить таким сортоведам, как Н.М. Павлова и Р.П. Бологовская. Он был перенесён в Барнаул

ул на участок сортоизучения нашей станции. Дали ему название Бийская, ибо Байкальская не подходила явно.

Годами намечался он перспективным. Но повышенная склонность к заболеваниям, в частности пурпуровой пятнистостью и др. грибными болезнями (как у нас с Зинаидой Ивановной на приусадебном участке) заставляет отказаться от попыток вывести этот сорт «в люди».

Индустрия алтайская

Под таким названием одно время фигурировал в сортименте Алтайского края крыжовник, обнаруженный мной на одной усадьбе в селе Шульгин лог (за Катунью, ныне Советского, тогда Грязнухинского района) из *Grossularia reclinata*. Первоначально он был принят за Индустрию, потом, когда на сортоучастке опорного пункта появилась настоящая Индустрия и было обнаружено, что это «не то», к «Индустрии» было добавлено «Алтайская». Вероятно, это стародавний сеянец западно-европейского сорта, подобно тому как «Финик» в Горьковской области, распространившийся в стародавние времена в Сибири. Так в Новосибирской области тот же крыжовник вошёл в сортимент как «Красный опушенный». Он был относительно устойчивым к сферотеке, но всё же в отдельные годы поражался ею сильно и впоследствии остался только Хаутон, который был районирован вместе с Индустрией алтайской.

Сержик алтайский

Это уже яблоня. Встретив этот сорт в селе Алтайском на усадьбе Козырезовой, которой досталась усадьба вместе с насаждениями, было подозрение, что это Сержик Копылова. Но потом И.А. Кухарский придал ему название Сержик алтайский. Его репчатой формы, некрупные (граммов 30, всё же, а отдельные плоды были и крупнее), зеленоватой, без румянца, окраски были вполне удовлетворительного в свежем виде, вкуса. Одно время Сержик алтайский был в сортименте, но после одной из суровых зим был выведен. Недостатком дерева было то, что в период вегетации листья вполне «культурного» вида, опушенные, с сероватым оттенком. Возможно, это по памяти, описания можно найти и в моих записях и, вероятно, есть описания и других сотрудников, занимавшихся сортоизучением яблони. Конечно, добавка к Сержику фамилии Козырезовой не означало, что она является автором, как думали не знавшие историю этого сорта, была добавлена фамилия владелицы усадьбы, на которой рос этот сорт.

Янтарка алтайская

В первые годы моего приезда в Ойрот-Тура; я сравнительно часто бывал в селе Алтайском и соседствующей с ней Сарасой. Я знал о них, как старейших очагов садоводства на юге б. Томской губернии, еще из работ Н.Ф. Кашенко (ж. «Научное плодоводство» и в нём статья «Зачатки том-

ской помологии»). Запрягает Арсентьевич в коробок лошадку и, переправившись на пароме через Катунь около Аи, едем в с. Алтайское. Но еще когда не было таких «удобств», как выездная лошадь, я был в с. Алтайском.

При одном из первых, а может быть в первое, посещения Алтайского я разыскал на его окраине, на горе (теперь там сады совхоза «Мичуринец», – кажется в той стороне), сад бывшего Стремякова, о котором писал Кащенко, а потом А.Д. Тяжелников (на обложке его каталога – прейскуранта «Алтайской флоры», хранящегося в моём архиве, изображен «Апорт Стремякова»). Сад был национализирован, принадлежал, как будто, Маслопрому. Я застал двух сторожей около шалаша с берданкой, с бутылкой водки, и собакой, привязанной на веревке к яблоне. Привязана она была за кольцо вокруг ствола из той же верёвки, собака на веревке метров в 4–5, бегала кругом, вытоптала (веревка являлась радиусом) круг и конечно обшарпала верёвкой ствол штамбовой яблони. Оказалось, что это наиболее ценное по плодоношению (по количеству) яблоня и для верности сохранения урожая к ней была привязана собака и неподалеку от этой яблони и шалаш для сторожа и его приятеля, распивавших на «вольном воздухе» бутылку.

Дерево было мощное, без признаков обмерзания, яблочки чуть продолговатые, желтые, янтарные. Чем не янтарка? Я нарезал черенки (был сезон окулировки и условно дал название «Янтарка алтайская»). «Алтайская» – не от Алтая (Алтайский край был образован позже, в 1937 году, а тогда всё это было Западно-Сибирский край с центром в Новосибирске). Янтарка вошла в коллекцию сортов Опорного пункта и хорошо себя проявила, была включена в районированный сортимент.

Много позже выяснилось, что этот сорт есть на Урале под названием Ранетка желтая, на Д. Востоке – Ранетка Янтарная и еще целый ряд синонимов. Но с течением времени, название сорта «Янтарка алтайская», под которым стал размножать этот сорт питомник Опорного пункта, стал основным названием этого сорта. Откуда этот сорт произошел? Он был завезен, очевидно, из европейской части страны. Мне сдаётся – из Прибалтики. Всё собирался найти старые каталоги фирмы Сиверс из Венфени (наверное, этот город теперь называется иначе – я помню еще по дореволюционным рекламам). Выписывали жители села Алтайского посадочный материал яблони из питомника Карлсона в Воронеже. Отсюда, вероятно, пошли Апорт Стремякова и прочие крупноплодные сорта, культивировавшиеся в с. Алтайском, которые А.Д. Тяжелников (он такой же плохой помолог, как и я) давал произвольные названия, принимая их за сеянцы (местные). Я застал еще в селе Алтайском эти крупноплодные сорта в широко кустовидной форме. Особенно запомнился сад Палкиных – любезных хозяев, я еще сфотографировал эту семью с яблоками в руках. Как и первые фотографии, первые негативы на стекле от моего фотоаппарата 9 x 12, погибли

из-за недосмотру, а вернее злостной небрежности в кладовой моей квартиры, где я жил в последние годы на станции в Горно-Алтайске.

Но это уже из другой оперы – по старческой болтливости.

Возвращаясь к Янтарке алтайской, можно сказать, что этот сорт исчезает из обращения, о чем можно пожалеть, так как для варенья плоды этого сорта превосходны.

А в Сарасе не выписывали саженцы, а сеяли семена яблонь, что ни дерево, то сорт. А так как сеяли из поколения в другое, то получились лесные яблони – кислицы, кислянки, как их здесь называли. А сибирские яблони называли калинкой и её пытались (своеобразно!) прививать к своим кислянкам. Сеяли, как Вопилова, в кротовые норы. Я писал о Сарасе, опубликованную в «Сад и огород» статью, с фотографией старушки Вопиловой...

Сеянцы Полькина

В бывшем саду Полькина (с. Быстрый Исток) удалось побывать только в 1947 году. С его же сортами встретился раньше.

Конфетка. Её описывал ещё А.Д. Тяжелников в своей рукописной помологии. Я увидел деревья Конфетки у Вл. Логиновича Яманова (Бийск, Телецкий пер.). Он и его жена (моя «кума») Варвара Карповна Яманова были чудесные люди и страстные садоводы – труженики, особенно Варвара Карповна. Три дерева Конфетки стояли в ряд. Как раз после суровой зимы они пострадали, цвели нижние сучья, зимой скрытые под снегом. У меня до сего времени есть где-то фотография, которую я сделал (вероятно в 1934, а может быть в 1935 г.) с этих деревьев, как материал для задуманной, но не осуществленной работы, как и откуда пошли стланцы (естественным путём, помимо Крутовского, Кизюрина и прочих «ученых»).

Отсюда были взяты черенки в Горно-Алтайск. Там Конфетка вымерзла почти до основания в зиму 1937/38 гг., была обрезана очень коротко и быстро восстановилась в не особо широкий, но высокий куст – многоствольное дерево. Теперь эта яблоня полукультура не представляет ценности, но тогда была одной из известных с сравнительно хорошим вкусом плодов. Конфетка – это конечно чересчур, на невзыскательный вкус.

Быстрянка. Эту, в виде единственного дерева, встретил у садовода Суслопарова, жившего в Бийске по Луговой улице недалеко от Ямановых. Выяснилось, что саженец этого дерева Суслопаров привез из Быстрого Истока от Полькина. Условились с ним назвать сорт Быстрянкой (от названия села Быстрый Исток). Фотографию Быстрянки я демонстрировал на выставке на Ойротской сессии совета производительных сил АН СССР в Москве. Потом эта фотография помещена была в книге «Ойротия» к моей статье – докладу на этой сессии. Черенки были привиты в Ойрот-Туре.

Суслопаров (имя, отчество где-то записано) уехал в 1930-х годах в Крым на жительство, дом с садом продал какому-то садоводу.

Из-за Полькина чуть не получил крупную неприятность. В 1936 или 1937 г. в Бийске я проводил беседу на курсах-семинаре председателей сельсоветов. И вот начал было рассказ о Полькине как народном селекционере, один из участников вскочил и заорал: «А мы его раскулачивали, а ты тут его пропагандируешь! Кто ты такой, откуда и т.д.». Кое-как замяли этот инцидент.

Только в 1965 г. часть сада вместе с Быстрианкой (напротив Северянки) была реконструирована.

У Суслопарова я впервые увидел орех манчжурский. Он поразил меня своим «южным» живописным видом. Вот поэтому-то я и раздобыл (вероятно, с Дальнего Востока) орехи, из сеянцев которых была создана «главная» аллея на опорном пункте, а по дороге к своему дому я сделал аллею, сажая орехи прямо на место, и деревья выросли без пересадки (это к «дому с мезонином»).

Северянка

В Ачинске, когда заплодоносили первые яблони (многих плодоношений не дождался), семена из плодов высевал. В 1931 году могли быть сеянцы Ксении Олониченко А.И., Непобедимой, Карагасса. При переезде всё было смешано в один тюк. Год росли в Бийске, весной 1934 г. высадил их в Ойрот-Туре. Было с полсотни сеянцев яблони. Пошли они в сибирку. Лишь один оказался более или менее с крупными плодами (селекционный помер 26^б). Есть в моем архиве тетрадка-альбомчик, в которой зарисованы плоды этих сеянцев. 26^б был, размноженный вегетативно, в коллекционном саду. Деревья, в количестве 6, и сейчас в Горно-Алтайске растут, а корнесобственный маточник был без меня выкорчеван. Рос 26^б на южном склоне, где и получил название Северянка. Это мой первенец. После уже была работа коллективная, и я в конечном счете отстал от селекционной работы.

Ранетка Лисавенко

Эта ранетка росла в виде одного дерева в Бийске на усадьбе моих родителей, которые сначала жили на квартире, арендуя дом у А.Д. Тяжелникова, а потом купили свой по переулку (название забыл; это в Заречной части, по тому же переулку, на углу было управление Чуйского тракта, их ДЭУ). Дерево было корнесобственное, как я убедился, отрастив саженцы от корней. Перенес привитое деревце на «участок менторов». Фамилия была добавлена в честь родителей, а не моей. Главным недостатком были листья – сворачивались лодочкой, как будто подсыхали. Плоды же привлекали оригинальной расцветкой – малиновой с пятнышками подкожными крупными точками. В Тальменке Д.Д. Осинцев рекомендовал: «А вот ранетка вашего имени». В общем и целом не оправдала себя.

Это из первого моего этапа селекционной работы с яблоней в Ойрот-Туре.

В сентябре 1934 г. праздновали юбилей И.В. Мичурина. В бывшей церкви бывшего города Козлова была устроена выставка, на которую привезли яблоки и прочее со всех концов страны. И мне отвели уголок где-то в притворе. Сам нарисовав плакаты, наклеил на них свои фотоснимки и даже выставил натуральные экспонаты, которые собрал в садах любителей г. Бийска. Была создана комиссия, которая давала оценку экспонатам, главную роль играл В.В. Пашкевич. Он подходил к каждому стенду, поправляя название сортов, некоторые пробовал. За ним шёл целый хвост и в том хвосте был я с пакетом, в который тщательно собирал семена из плодов, подвергшихся дегустации. А по приезде в Ойрот-Туру семена посеял в ящики (я жил тогда еще на Ленинской, 11), вынес под снег, весной распикировал всходы на грядки, а весной 1935 г. сеянцы были высажены между Мичуринским логом и теперешними насаждениями груши, на водоразделе, выше яблонь, привезенных из Ачинска. До плодоношения дожили не все сеянцы (их было высажено не менее 500), часть плодоносивших дали плоды величиной с сибирку, некоторые с ранетку (там была из этих сеянцев выделена Красномясая ранетка за № 46, покойный С.А. Кошелев уговаривал меня пустить её в размножение, я воздержался, но № 46 был использован для гибридизации, в частности от скрещивания № 46 в 1946 г. с Бельфлёр-китайкой получилась еще более мелкоплодная декоративная яблоня Кармен; от посева семян № 46 получилось 1/2 красных и 1/2 зеленых сеянцев; по-видимому, № 46 вырос из семян какого-то краснолистного мичуринского сорта – семена-то от всех яблок я собрал в один пакет, другого выхода, при спешке, не было).

Так вот наряду с мелочью по плодам, два корнесобственных дерева дали крупные плоды, причём деревья хотя и подмерзали, но всё же жили.

Одному даже присвоили (№ 22) название Академик Пашкевич, памятуя историю сбора семян, другой остался за № 25. Время от времени их путали, они были привиты на участке менторов. Живы ли они сейчас – не знаю. Во всяком случае один номер (Л.Ю. Жебровская определила его как № 25) растёт у Н.П. Смирнова на Телецком озере, как из лучших в его коллекции сортов.

Бесприданница, Бия

В числе любителей садоводов Бийска, с которыми я сдружился, был Петр Константинович Иванов и его жена Федосья Павловна – страстный цветовод. (Ф.П. умерла, ей поставлен семьей «шикарный» памятник на кладбище в заречном бору, П.К. жив, кажется).

У Ф.П. я раздобыл сеянец флокса, размноженный на опорном пункте и получивший название Бия. Самый зимостойкий сорт флоксов. Это единственный сорт, который после зимы 1940/41 г. уцелел на ВСХВ.

Но речь идет о яблоне. В первый раз, когда я зашёл к Иванову, поразила меня мощная, европейского типа, яблоня, без плодов при этом. «А я как раз собираюсь её вырубить, – сказал П.К. Растет сколько лет, цветёт вовсю, а ни одного яблока от неё не вкусил». Черенок этой яблони, конечно, хозяин дал мне. Выращенные саженцы я посадил для украшения около своего «дома с мезонином» в Ойрот-Туре. Новые квартиранты дерева уничтожили, не видя плодов. Хорошо, что (не помню, черенки или саженцы) были увезены в Барнаул, вместе с другими яблонями. Позже 2 дерева были посажены в барнаульском дендрарии, на розарии. В этом, 1966-м году, по согласованию с Зинаидой Ивановной, назвал эту яблоню Бесприданницей. Ценна она для озеленения. Даже мелкие плоды, завязи обрывают, даже в МГУ, где обрезают завязи после того, как яблони отцветут. Эта не требует подобной канительной операции. У Бесприданницы аномальные семяпочки цветка. Но опылять другие сорта может. Зимостойкость высокая, возможно, связанная с отсутствием плодов. Ни в Ойрот-Туре, ни в Барнауле ни разу не пострадала от мороза.

Горноалтайское

Этот сорт дорог мне, быть может, потому ещё, что чуть не исчез ещё безымянным.

Кажется, весной 1944 г. А.М. Скибинская (она была тогда, как садовод, еще совсем юной), а может быть после зимы 1944/45 г., особо суровой, решили выкорчевать корнесобственное дерево № 153 из семьи Ранетка пурпуровая х Пепин шафранный (семья 2–37), как сильно пострадавший от мороза, забраковав его как незимостойкий.

А когда я посмотрел на это дерево, то увидел, что оно действительно находится на краю гибели, но не от мороза, а от травмы, нанесенной тяпкой молодому ещё деревцу при обработке. Привитый на участке менторов № 2–37–153 зарекомендовал себя с лучшей стороны, ему было присвоено имя – Горноалтайское.

М.А. Лисавенко,
академик ВАСХНИЛ